

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ ПОИСК

Ирена ВДОВИНА

Доктор философских наук, главный научный сотрудник.

Институт философии РАН.

109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;

e-mail: isvdovina@mail.ru

ПЕРСОНАЛИЗМ ВО ФРАНЦИИ

В статье рассматриваются идеи французского персонализма как одного из важнейших течений философской антропологии XX века. Его представители – католические мыслители Э. Мунье, Ж. Лакруа, М. Недонсель и др. – поставили задачей переформулировать проблемы христианской концепции человека и создать философское учение о личности как главной заботе человеческой цивилизации. Осмысляя гуманистическую традицию в истории философии, идущую от Сократа, Аристотеля, Августина, философы-персоналисты выдвинули в качестве центральных проблем своего учения вопросы о вовлечённом существовании человека, духовном содержании его деятельности, личностном общении, творческом восхождении. В этом плане художественное творчество и искусство признаются вершиной деятельности человека, его общения с другим и другими, продуктивного воображения, ведущего к коренному преобразованию земной жизни, где приоритетом станет личность и её духовные ценности. Под влиянием идей персонализма сложились персоналистски ориентированные концепции в Италии, Швейцарии, Скандинавии, Латинской Америке; они стали теоретической основой различных направлений социальной теологии, способствовали переориентации официальной доктрины современного католицизма. Дальнейшую разработку персоналистского учения о личности предпринял П. Рикёр, опираясь на новейшие исследования в сфере деятельности, языка, повествования, этики, политической философии.

Ключевые слова: персонализм, личность, гуманизм, вовлечение, самореализация человека, духовный мир, трансценденция, взаимность, этика, искусство

Французский персонализм является одним из ведущих направлений современной западной философии. Временем его рождения считается октябрь 1932 года – время выхода в свет первого номера журнала “Esprit” («Дух»), создателем которого был философ Эмманюэль Мунье (1905–1950), католик по вероисповеданию. Вокруг журнала объединились философы, публицисты, литераторы, литературные и художественные критики самых разных ориентаций, озабоченные судьбой современного человека и цивилизации в целом. О выходе в свет “Esprit” Мунье писал: «Наш журнал основан группой молодых людей, осознавших свою ответственность за нищету, царящую в мире, решивших уничтожить утвердившийся беспорядок и построить новое общество, основанное на действительном примате духовных ценностей» [10, р. 54]. Жерар Люроль, лауреат премии Мунье (1986), справедливо назовет деятельность Мунье и его соратников «вызовом всеобщему кризису цивилизации» [13, р. 147].

Рядом с Э. Мунье стояли: французский философ-неотомист Ж. Маритен, автор учения об интегральном гуманизме, в центре которого человек в целостности его бытия – природного и сверхприродного (божественного); русский философ Н.А. Бердяев, отстаивавший в качестве высшей ценности принцип личности с её абсолютной свободой; немецкий философ-антрополог П.-Л. Ландсберг, усматривавший сущность личности не только в способности к вовлечению, но и к трансцендированию; Ж. Лакруа, понимавший персонализм как обращение к универсальному в человеке и человечестве; М. Недонсель, видевший наиболее полное выражение подлинного личностного существования в искусстве, реализующем присутствие Бога в мире, и др. Каждый из отмеченных мыслителей искал собственный путь в философии, однако центральной проблемой для французского персонализма стал вопрос об универсальном развитии человека – о личности.

Кризис цивилизации и кризис человека

Французский персонализм задумывался его создателями как вариант социального христианства левой ориентации. В орбиту их осмысления включались важнейшие события начальной трети XX века: Первая мировая война, Октябрьская революция в России и социалистические революции в Германии и Венгрии, всеобщий экономический кризис 1929–1932 гг., наступление фашизма в Германии. В напряжённой атмосфере 30-х гг. руководимый Э. Мунье журнал звал верующих и атеистов к совместной борьбе на стороне прогрессивных сил против угрожающих человечеству и его культуре явлений, и прежде всего – против фашизма.

Вместе с тем Мунье и его соратники намеревались обновить христианскую концепцию человека путём критического осмысления наиболее влиятельных в то время философско-антропологических учений, прежде всего экзистенциализма и марксизма, воздействие которых они постоянно испытывали: «Экзистенциалисты настоятельно требовали обсуждения персоналистских проблем: свобода, внутренний мир личности, коммуникация, смысл истории. Марксисты призывали современное мышление освободиться от идеалистических мистификаций, стать на твёрдую почву в осмыслении реальных проблем человека и связывать самую возвышенную философию с актуальными вопросами современности» [7, с. 467–468]. Ему вторит Лакруа, автор книги «Марксизм, экзистенциализм, персонализм»: «...чтобы выявить глубинную персоналистскую ориентацию, её необходимо сопоставить с марксизмом и экзистенциализмом [3, с. 290]. Одновременно ответ на вопрос о качествах и свойствах личности Мунье и философы-персоналисты искали у Сократа и Цицерона, Декарта и Лейбница, Канта, Паскаля, Мальбранша, Руссо, Фихте, Шелера, Бергсона, Пеги, Прудона, Бердяева, Достоевского, Л. Толстого.

Марксизм первоначально воспринимался Мунье сквозь призму взглядов Н. Бердяева. В статье «Правда и ложь коммунизма», опубликованной в первом номере “Esprit”, Бердяев к наиболее значимым «истинам» коммунизма относил критику буржуазного общества, его пороков и противоречий, эксплуатацию человека человеком, призыв к изменению социального порядка, угнетающего индивида. В 1930-е годы Мунье и его единомышленники понимали кризис человека прежде всего как кризис деятельных способностей индивида, вызванный его участием в капиталистическом производстве, как упадок духовности вследствие буржуазного образа жизни и дехристианизации широких народных масс. Озабоченные «слиянием христианства с буржуазным беспорядком», Мунье и Маритен в одном из первых номеров “Esprit” объявляли о намерении сторонников «личностной философии» «вырвать Евангелие из рук буржуазии».

Зарождение понятия личности Мунье связывал с христианством, которое, по его убеждению, первым заговорило о множественности человеческих душ и призвало каждую из них внутренне приобщиться к божественному. «Глубинный смысл человеческого существования состоит... в том, чтобы переменить “тайну своей души”, чтобы принять в неё Царство Божие и воплотить его на Земле» [7, с. 464]. Идея о воплощении Царства Божия на Земле стала программной в философии французского персонализма. В этом плане «личностная философия» идёт в русле антропологии Августина, которую Мунье воспринял как призыв к «возвеличению земной жизни». Не проводя радикального противопоставления града Божия и града земного, Мунье вслед за Ш. Пеги, оказавшим значительное влияние на основоположника французского персонализма, рассматривал духовный порядок не как метафизический принцип, отделяющий человека от его земного удела, но как динамическую силу, проявляющуюся в человеке-

ском обществе. Град Божий и град земной навеки перемешаны и различаются только по своей направленности. Как утверждал Лакруа, основоположник персонализма во Франции Мунье и его соратники сделали акцент на активной земной жизни, придав идее о воплощении божественных ценностей на Земле вполне конкретный вид. «Наше конкретное существование будет... непрерывной актуализацией нашего отношения к Богу, непрестанным движением к нему» [4, с. 285].

Мунье и философы-персоналисты были уверены, что коренное преобразование жизни людей невозможно без их совместных усилий и прежде всего без духовного возрождения, духовной революции. Любые экономические и социальные перемены, идущие сверху и осуществляемые небольшой группой людей, не в состоянии привести к слому изжившую себя систему; они завершатся лишь перераспределением богатств. «Революция должна быть одновременно и духовной, и экономической: духовная революция будет экономической или её не будет; экономическая революция будет духовной или её не будет», – повторял Мунье слова Ш. Пеги [5, с. 20].

Практика, труд, «вовлечение»

Итак, в поисках сущности человека философы-персоналисты обратились к практической стороне его жизнедеятельности и пытались определить роль труда в жизни индивида. Одной из главенствующих стала идея «вовлечённого существования», призывающая человека к осмысленному, творческому выполнению своей миссии на Земле: «вовлечение» является «существенной частью становления личности» [5, с. 96]. Подчёркивая влияние марксизма на формирование идей персонализма о «вовлечённом существовании», его теоретики стремились понять учение Маркса в более широкой перспективе. Лакруа трактует марксистское понятие практики как позицию конкретного человека, реагирующего на каждое мгновение жизни своим целостным бытием – мыслящим и действующим. Вместе с тем Мунье, признавая определённую зависимость персоналистской концепции труда от Маркса, отмечал, что марксизм игнорирует внутреннюю жизнь человека, его предназначение.

Философы-персоналисты, трактуя проблему деятельности, ставили задачей связать труд с целостным самопроявлением личности, осуществляющей себя в качестве субъекта не только производственной деятельности, но и деятельности духовной – нравственной, эстетической, религиозной. Мунье требовал диалектически понимать взаимодействие духа и материи и в этом взаимодействии видел главное условие для самоосуществления человека как личности. Он не принимал предложенную Бердяевым трактовку «объективации» как «отчуждения». Н. Бердяев не верил в возможность самореализации человека во внешнем мире, для него конфликт между материей и духом, имманентным и трансцендентным был абсолют-

ным, а потому неразрешимым: «...дух революционен, материя же консервативна и реакционна», «дух хочет вечности, материя же знает лишь временное» [1, с. 294]. Бердяев, писал в этой связи Лакруа, «отождествляет отчуждение и объективацию и в последней видит самую большую из человеческих ошибок» [4, с. 245].

В работе «Персоналистская и общностная революция» Мунье выделил три основных измерения личности: призвание, воплощение и объединение, где акцент делается на «воплощении в труде». Труд для Мунье есть прежде всего творчество, в процессе которого человек выступает целеполагающим существом («труд осуществляется ради творчества»); создавая тот или иной продукт, человек не только выражает, но и определённым образом завершает себя («труд есть средство завершения человека как личности»), конституируя собственное «я» («труд возвращает индивида к самому себе»); в труде человек осуществляет себя не только как мыслящее и действующее существо, но и как бытие чувственное, эмоциональное («труд сопровождается радостью...»); дисциплина труда, его конкретный порядок и строгая определённость организуют человека, давая ему чувство уверенности и вселяя веру в самого себя.

Духовный мир личности. Проблема трансценденции

Душа, духовный мир личности, личностное «я» человека как «первичная реальность» – другая главенствующая тема французского персонализма, и здесь его сторонники сближаются с религиозным экзистенциализмом, главными представителями которого для них были Г. Марсель и К. Ясперс, и с феноменологией. Личность для персоналистов есть «центр, на который должна ориентироваться объективная Вселенная» [7, с. 468], человек, достигший личностного существования, становится субъектом созидания собственно человеческой реальности. Это созидание происходит во внутреннем мире личности; ядром духовного мира человека является сознание, но не оно определяет личность и личностное творчество. «Сознательное поведение является лишь частью целостного “я”, а наилучшими из наших поступков оказываются как раз те, в необходимости которых мы менее всего уверены» [14, р. 415]; творчество как преодоление данного «достигается за пределами сознания и деятельности» [14, р. 526].

В своей бессознательной деятельности человек, согласно Мунье, открыт реальности, более обширной, чем мир, в котором протекает его сознательная жизнь, реальности, с одной стороны, предшествующей человеку, с другой – превосходящей его. Именно бессознательное позволяет человеку общаться с этой реальностью. Высоко оценивая психоанализ Фрейда, расширившего границы внутреннего мира индивида за счёт введения инстанций бессознательного и сверхсознательного, Мунье тем

не менее подверг критике его стремление свести все высшие проявления человеческого духа: мораль, искусство, религию – к модификациям внутренних влечений, тождественных инстинктивной бессознательной деятельности, когда ведущим моментом человеческого бытия выступает «укрывшийся в бессознательном принцип удовольствия» [14, р. 131–133].

В центре внимания Мунье – творческое бессознательное, при изучении которого он пользуется гуссерлевской идеей интенциональности, возражая, однако, против узкого её понимания исключительно как направленности сознания вовне, на предмет, и подвергая её существенной переработке. Не устраивала Мунье трактовка интенциональности и трансценденции представителями атеистического экзистенциализма, прежде всего Сартром: с помощью этих понятий ими описывалось лишь движение «бесцельного бытия», поскольку в атеистическом экзистенциализме вне человека нет ничего, что превосходило бы его бытие по значимости и масштабу. И в феноменологии, и в атеистическом экзистенциализме человеческое бытие есть страстное желание индивида жить любой ценой, даже ценой попрания тех ценностей, которые дают смысл его существованию. Мунье разделяет здесь точку зрения христианских экзистенциалистов Г. Марселя и К. Ясперса, в учениях которых его привлекает стремление понять человека не только из него самого, но и связать его внутренний мир с надличным, абсолютным, т. е. с божественным, бытием. Как и в случае с понятием личности, Мунье отмечает принципиальную неопределимость божественной трансценденции, которая содержит лишь указание на некоторый предел человеческих возможностей, однако именно благодаря этому обретает смысл сам человеческий мир.

Понятие трансценденции в персонализме характеризует не сознание человека, а его самосознание, духовный мир его личности, где человеческое существование понимается с позиций добра и зла, блага и греха и т. п. Дух в персонализме – это особая смысложизненная сфера человеческого опыта, первичная по отношению к конкретному самоосуществлению человека, сфера «сверхсознательная и сверхвременная». Духу свойственно трансцендировать, и его специфической чертой является открытость не внешнему миру, а некоему высшему бытию. К постижению этого бытия человек приходит в моменты потрясения, откровения, раскрывающего, по словам Мунье, мир в его глубинной реальности. Поскольку основания человеческой жизни коренятся в духовном мире личности, соотнесённом с божественной трансценденцией, и они постигаются только в личностном откровении, то именно на личность ложится ответственность за их обнаружение и проведение в жизнь. Прежде чем выйти за пределы внутреннего «я», человеку необходимо обрести то, с чем он выйдет вовне. Это позитивное «что-то» субъект ищет внутри собственного «я», отрешаясь от мира объектов и внешних связей, приостанавливая деятельность сознания. В этот момент человек совершает сложную духовную работу, мобилизуя все свои силы, чтобы оценить ситуацию, принять решение и реализовать его.

Личностное сообщество

Французские персоналисты одними из первых в современной западной философии выступили за понимание гуманизма как жизненного опыта общения людей и их взаимного сопереживания. Существенным моментом трудовой деятельности Мунье считал опыт самоотвержения: человек, творчески осуществляя себя в труде, отрекается от самого себя и делает это не столько ради производимого им продукта, сколько ради другого человека, которому он посвящает свой труд. Таким образом, труд выступает изначальным условием подлинно человеческого общения и инструментом воспитания: дух товарищества и любви, господствующий в процессе труда, — вот та основа, на которой создаётся истинно человеческое, личностное сообщество [8, с. 147–152].

В программном труде «Персоналистская и общностная революция» Мунье употреблял понятия «персонализм» и «человеческая общность» как тождественные. В книге «Что такое персонализм?» он утверждал, что истинным призванием человека является «не господство над природой, не наслаждение полнотой жизни, а коммуникация сознаний и взаимопонимание людей» [9, с. 81]. Согласно Лакруа, «человеческие личности существуют благодаря человечеству, для человечества и в человечестве» [4, с. 241].

Персоналистская концепция общения развивалась в русле феноменологическо-экзистенциалистской традиции. Введённая Э. Гуссерлем проблема «другого» стала одной из основных тем в близких персонализму феноменологической этике М. Шелера и Э. Левинаса, христианском экзистенциализме Г. Марселя и др. Человеческое чувство общности философы-персоналисты относят к фундаментальным характеристикам личности, её первичному опыту. «Первичный опыт личности – это опыт другой личности»; «ты», а в нём и «мы» предшествуют личности или, точнее, сопровождают «я» на всём его жизненном пути. В своей внутренней жизни личность предстаёт нацеленной на мир и устремлённой к другим личностям; идя по пути универсализации, она смешивается с ними, поскольку другие не только не ограничивают личность, но обуславливают её бытие и восхождение: «Личность существует только в своём устремлении к другому, познаёт себя только через другого и обретает себя только в другом» [7, с. 479].

Личностное сообщество, контуры которого намеревались очертить философы-персоналисты, должно основываться на серии своеобразных актов, которым нет аналогий в Универсуме: умение личности выйти за собственные пределы и открыться «другому», понять «другого» и в поисках взаимного согласия стать на его точку зрения; способность взять на себя судьбу «другого», разделить с ним его тяготы и радость, быть великодушным, не рассчитывая на взаимность, и хранить созидающую верность «другому» на протяжении всего жизненного пути: «...я существую в той мере, в какой я существую для “другого”, и в конечном итоге существовать – значит любить. Такова изначальная истина персонализма» [7, с. 479]. Любовь –

не природное (сексуальное, родственное) отношение, а отношение сверх-природное, новая форма бытия: она даруется человеку по ту сторону его естества, требуя от него возможно более полной самореализации в свободе. Акт любви, по Мунье, это неопровержимое свидетельство существования человека: «...я люблю – значит и существую, и жизнь стоит того, чтобы ее прожить (бремя жизни)» [7, с. 481]. При этом, утверждает Лакруа, любовь есть общая причастность двух существ высшей реальности, только благодаря которой они существуют.

Говоря о человечестве и перспективах его развития, философы-персоналисты постоянно прибегают к выражению *au-delà*, по ту сторону: обретение людьми личностного существования – это «внутренняя революция» (Э. Мунье), «перестройка мышления» (М. Недонсель), беспрецедентный скачок в качественно иное будущее. Обществу как совокупности исторически сложившихся форм совместной деятельности людей персоналисты противопоставляют мистическое сообщество, где происходит встреча личностей «по ту сторону» слов и систем. Общественное устройство должно создаваться на онтологическом приоритете «горизонтальных» связей как самоконституирующемся «общественном пространстве» (М. Мерло-Понти).

Личность и художественное творчество

В философской антропологии французского персонализма существеннейшим свойством личности является способность к художественному творчеству. Только искусство признаётся адекватным средством для понимания личностного бытия человека, в том числе таких его характеристик, как деятельность, трансцендирование, коммуникация и др. В концепции Мунье художник выступает проводником личностного существования, а произведения искусства оказываются моделью подлинно личностного самоосуществления. Альбер Беген, представитель «женевской школы критиков», ставший после Мунье директором “*Esprit*” (1950–1957), искал ответ на вопрос о человеческом «я» и смысле его бытия в художественном творчестве, обеспечивающем человеку самоуглубление и самопроявление в сообществе с другими. Жан-Мари Доменак, сменивший Бегена на посту директора “*Esprit*” (1957–1977), анализировал острые проблемы XX века с помощью художественной литературы, театра, кино, мифологии.

Мунье видел назначение искусства прежде всего в его способности выразить невыразимую сущность божественной трансценденции. Индивид прибегает при этом к помощи символического языка, призванного раскрывать связь человека со священным. Высшим назначением искусства является проникновение во внутренние глубины человека, в его суверенный мир, где обнаруживается присутствие в его душе божественного. Художник «видит мир в Боге и намеревается реализовать Бога в подлунном мире» [15, р. 40]. Позиция философов-персоналистов идентична здесь

точке зрения неотомиста Ж. Маритена: пытаться создать красоту – значит стремиться создать трансцендентное, и это совпадает с традицией конструктивного отношения к сфере эстетического в католицизме: трансцендентное всегда религиозно, поскольку соединяет небо и землю.

Художественное творчество признаётся деятельностью человека как таковой, более того – его вершиной: в акте художественного творчества человек выступает как свободный целеполагающий субъект, поскольку осуществляет не заранее предустановленную деятельность, как это, например, происходит в труде, а создаёт новую реальность, пребывая по ту сторону повседневной жизни и стремясь соединиться с идеальной сущностью всех вещей. Искусство «открывает нам мир в его глубинной реальности и каждое отдельное бытие в его связи со Всеобщим» [14, р. 389].

В 1940-е годы Мунье разделял пафос и установки художественного модернизма, в частности сюрреализма, в котором он видел одно из серьёзных движений современности, называя сюрреалистов апостолами всеобщего преобразования жизни. Главное, что сближает художественный сюрреализм и философию персонализма – установка на изменение внутреннего мира человека, переориентацию его повседневной жизни на «жизнь в поэзии». Ж. Люроль в 1972 г. назвал персонализм философией сюрреализма.

Подлинное общение людей осуществляется через искусство, художественные произведения – это место встречи личностей: личности художника и воспринимающего его творение. Становясь предметом восприятия, произведение вовлекает личность в продуктивное воображение. Будучи способом зашифрованного выражения божественной трансценденции, искусство обладает и особым типом интенциональности: оно обращено к духовному миру личности.

Персонализм и современный мир

Французский персонализм оказал заметное влияние на философские и социологические учения XX века, ориентируя их на исследование проблем духовного мира человека, личностного содержания человеческой деятельности, человеческого общения и человеческой общности. Под его влиянием сложились персоналистски ориентированные философские концепции в Италии, Швейцарии, в Скандинавии, странах Латинской Америки; его идеи стали теоретической основой различных направлений социальной теологии: теологии революции, теологии труда, теологии личности, теологии любви. Вместе с тем идеи «личностной философии» стимулировали переориентацию официальной доктрины католицизма, вынужденного изыскивать новые формы присутствия церкви в мире. Начиная с пасторской конституции 1965 г. «О церкви в современном мире», в которой речь шла о способах реализации диалога церкви с миром, персоналистские принципы появляются в документах Ватикана (учение о ценности

земной жизни и активной вовлечённости человека в мирские дела, о необходимости участия всех людей в совершенствовании общественных отношений, о взаимоотношении божественного и человеческого и т. п.), а учение о человеке и его личностном содержании становится одной из центральных проблем официального католицизма. Принципы персонализма легли в основу теологии и философии мира Иоанна Павла II.

После ухода из жизни Э. Мунье журнал "Esprit" постепенно менял свою ориентацию. В 60-е – начале 70-х гг. Ж.-М. Доменак стремился к соединению персонализма с идеологией буржуазного реформизма. В это время стремительное развитие научно-технической сферы привело к относительной стабилизации буржуазного общества, подъёму его экономики и относительному улучшению качества жизни населения. В 1957 г., начиная «новую серию» журнала "Esprit", новый лидер персонализма во Франции писал: «Мы вступили в общество потребления. Производство увеличивает блага потребления, и мы изыскиваем средства, способные расширить это производство и более справедливо распределять. В этом смысле мы не стыдимся называть себя реформаторами» [11, р. 483]. Словно предвидя возможность «реформистского зигзага» в персонализме, его основоположник писал: «отдельные реформы – это лишь частичные средства; они не дойдут до корней современного зла ни институтов, ни самого человека» [12, р. 273].

С 1977 г. в журнале "Esprit" начинается очередная «новая серия» исследований. Теперь в них преобладает ориентация на политическую проблематику и учения о постиндустриальном обществе. Руководители журнала (П. Тибо, 1977–1989; О. Монжен, 1989–2002) говорят об обновлении социальной позиции персонализма и высказываются в пользу просвещённых правителей, способных организовать общественную жизнь таким образом, чтобы обеспечить человеку условия для его индивидуального самосовершенствования.

В 1980-е и последующие годы наблюдается оживление идей персонализма Мунье во Франции. В контексте проблемы постсовременности в социологической и философской мысли обсуждается вопрос о расширении человеческих возможностей, о духовной наполненности экономической и социальной деятельности человека, «этике хозяйствования» и «культуре потребления». Наряду с традиционно существующим (с 1950 г.) «Объединением друзей Эмманюэля Мунье» создаются новые ассоциации и объединения («За новую жизнь», «Продолжение», «Актуальность персонализма»), ставящие своей целью продолжить начатые Мунье исследования и развернуть широкую работу по внедрению идей персонализма во все сферы общественной и индивидуальной жизни людей. В 1987 г. под руководством Ж. Люроля формируется группа «Актуальность персонализма», члены которой проводят изучение таких проблем, как «Предприятие и общество», «Школьное образование и процесс формирования личности», «Зарождение новых форм культуры» и др. Необходимость возрождения

персонализма его сторонники объясняют следующим образом. Этьен Борн: все серьезнейшие проблемы современности обретают своё значение, только если они трактуются с позиции философии личности; Жан Летафель: сегодня необходимо переосмыслить человека с точки зрения тех требований, которые в 40-х годах выдвинул Э. Мунье; Жерар Люроль: приоритет личности сегодня велик как никогда.

Дальнейшую разработку персоналистского учения о личности принял П. Рикёр, опираясь на новейшие исследования в сфере деятельности, языка, повествования, этики, политической философии (Мунье в 1946 г. признавал, что именно Рикёр открывает перед персонализмом новые возможности). Понятие личности Рикёр считал самым плодотворным из всех персоналистских концептов и находил его более перспективным для философских исследований проблем человека, нежели понятия «сознание», «субъект», «человеческое “я”» [16, р. 222–224]. В развиваемой концепции личности Рикёр делает особый акцент на «самости» человека, на этике как «стремлении к совершенной жизни с другими и для других» (Аристотель), справедливости как основополагающем принципе «бытия-вместе». Специальному рассмотрению идей персонализма Рикёр посвятил серию работ, написанных в разные годы в журнале “Esprit”, в трудах «История и истина» (1955), «Книга для чтения 2. В стране философов» (1992) и др. [2, с. 100–121].

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. Париж: YMCA-Press, 1949. 377 с.
2. Вдовина И.С. Поль Рикёр: на «Елисейских полях» философии. М.: Канон+, 2018. 288 с.
3. Лакруа Ж. Марксизм, экзистенциализм, персонализм / Пер. с фр. И.С. Вдовиной // Лакруа Ж. Избранное: Персонализм. М.: РОССПЭН, 2004. С. 290–385.
4. Лакруа Ж. Персонализм как антиидеология / Пер. с фр. И.С. Вдовиной // Лакруа Ж. Избранное: Персонализм. М.: РОССПЭН, 2004. С. 166–289.
5. Лакруа Ж. Персонализм: истоки – основания – актуальность / Пер. с фр. И.С. Вдовиной // Лакруа Ж. Избранное: Персонализм. М.: РОССПЭН, 2004. С. 5–165.
6. Лакруа Ж. Чувства и нравственная жизнь / Пер. с фр. И.С. Вдовиной // Лакруа Ж. Избранное: Персонализм. М.: РОССПЭН, 2004. С. 386–450.
7. Мунье Э. Персонализм / Пер. с фр. И.С. Вдовиной // Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Республика, 1999. С. 459–538.
8. Мунье Э. Персоналистская и общностная революция / Пер. с фр. В.М. Володина // Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Республика, 1999. С. 13–266.
9. Мунье Э. Что такое персонализм? / Пер. с фр., примеч. И.С. Вдовиной. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1994. 128 с.
10. Domenach J.-M. Emmanuel Mounier. Paris: Éditions du Seuil, 1972. 190 p.
11. Domenach J.-M. “Esprit”, nouvelle série // Esprit. 1957. No. 11.

12. *Loubet del Bayle J.-L.* Les non-conformistes des années 30. Paris: Éditions du Seuil, 1969. 496 p.
13. *Lurot G.* Mounier I. Genèse de la personne. Paris: Editions Universitaires, 1990. 320 p.
14. *Mounier E.* Traité du caractère // Oeuvres. T. II. Paris: Éditions du Seuil, 1947. 794 p.
15. *Nedoncelle M.* Introduction à l'esthétique. Paris: Presses Universitaire de France, 1953. 124 p.
16. *Ricoeur P.* Mounier philosophe // Le personnalisme d'Emmanuel Mounier hier et de-main. Pour un cinquantenaire. Paris: Éditions du Seuil, 1985. P. 219–230.

ENCYCLOPEDIC SEARCH

Irena VDOVINA

DSc in Philosophy, Chief Researcher. RAS Institute of Philosophy. Goncharnaya St. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: isvdovina@mail.ru

PERSONALISM IN FRANCE

The article discusses the ideas of French personalism as one of the most important trends in the philosophical anthropology of the twentieth century. Its representatives – Catholic thinkers E. Mounier, J. Lacroix, M. Nedoncelle, and others – pursued the task of reformulating the problems of the Christian concept of man and creating a philosophical doctrine of personality as the main concern of human civilization. Comprehending the humanistic tradition in the history of philosophy, originating from Socrates, Aristotle, Augustine, personalists put forward as central problems of their thinking existential and spiritual aspects of human activity, problems of personal communication and creative elaboration. In this regard, creativity and art were recognized as a climax of human activity, of intersubjective communication and productive imagination leading to a radical transformation of earthly life, where the person and his spiritual values will become a priority. Under the influence of the ideas of personalism, personalistically oriented conceptions were formed in Italy, Switzerland, Scandinavia, Latin America; they became the theoretical basis of various trends in social theology and stimulated reorientation of the official doctrine of modern Catholicism. The further development of the personalist theory of man was undertaken by P. Ricoeur, who relied on the latest researches in the fields of human activity, language, narration, ethics, and political philosophy.

Keywords: personalism personality, humanism, involvement, self-realization of a person, spiritual world, transcendence, reciprocity, ethics, art

References

1. Berdyaev, N.A. *Samopoznanie. Opyt filosofskoi avtobiografii* [Selfknowledge. Experience of Philosophical Autobiography]. Paris: YMCA-PRESS Publ., 1949. 377 pp. (In Russian)
2. Domenach, J.-M. “«Esprit», nouvelle série”, *Esprit*, 1957, No. 11. (In French)
3. Domenach, J.-M. *Emmanuel Mounier*. Paris: Éditions du Seuil, 1972. 190 pp. (In French)
4. Lacroix, J. “Chuvstva i нравstvennaya zhizn” [Feeling and Moral Life], trans. I.S. Vdovina, in: J. Lacroix, *Izbrannoe: Personalizm* [Selected Works. Personalism]. Moscow: ROSSPEHN Publ., 2004, pp. 386–450. (In Russian)

5. Lacroix, J. “Marksizm, ehkzistentsializm, personalizm” [Marxism, existentialism, personalism], trans. I.S. Vdovina, in: J. Lacroix, *Izbrannoe: Personalizm* [Selected Works. Personalism]. Moscow: ROSSPEHN Publ., 2004, pp. 290–385. (In Russian)
6. Lacroix, J. “Personalizm kak antiideologiya” [Personalism as Anti-ideology], trans. I.S. Vdovina, in: J. Lacroix, *Izbrannoe: Personalizm* [Selected Works. Personalism]. Moscow: ROSSPEHN Publ., 2004, pp. 166–289. (In Russian)
7. Lacroix, J. “Personalizm: istoki – osnovaniya – aktual’nost’” [Personalism: Origins – Foundations – Relevance], trans. I.S. Vdovina, in: J. Lacroix, *Izbrannoe: Personalizm* [Selected Works. Personalism]. Moscow: ROSSPEHN Publ., 2004, pp. 5–165. (In Russian)
8. Loubet del Bayle, J.-L. *Les non-conformistes des années 30*. Paris: Éditions du Seuil, 1969. 496 pp. (In French)
9. Lurol, G. *Mounier I. Genèse de la personne*. Paris: Editions Universitaires, 1990. 320 pp. (In French)
10. Mounier, E. “Personalistskaya i obshchnostnaya revolyutsiya” [Personalistic and Collective Revolution], trans. I.S. Vdovina, in: E. Mounier, *Manifest personalizma* [Manifest of Personalism]. Moscow: Respublika Publ., 1999, pp. 13–266. (In Russian)
11. Mounier, E. “Personalizm” [Personalism], trans. I.S. Vdovina, in: E. Mounier, *Manifest personalizma* [Manifest of Personalism]. Moscow: Respublika Publ., 1999, pp. 459–538. (In Russian)
12. Mounier, E. “Traité du caractère”, *Oeuvres*. T. II. Paris: Éditions du Seuil, 1947. 794 p. (In French)
13. Mounier, E. *Chto takoe personalizm?* [What is Personalism?], trans. I.S. Vdovina. Moscow: Humanitarian Literature Publ., 1994. 128 pp. (In Russian)
14. Nedoncelle, M. *Introduction à l’esthétique*. Paris: Presses Universitaire de France, 1953. 124 pp. (In French)
15. Ricoeur, P. “Mounier philosophe”, *Le personnalisme d’Emmanuel Mounier hier et demain. Pour un cinquantenaire*. Paris: Éditions du Seuil, 1985, pp. 219–230. (In French)
16. Vdovina, I.S. *Pol’ Riker: na «Eliseiskikh polyakh» filosofii* [Paul Ricoeur: In the “Elysian fields” of Philosophy]. Moscow: Kanon+ Publ., 2018. 288 pp. (In Russian)